

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации

Сборник научных трудов

Екатеринбург
Издательство Уральского федерального университета
2018

УДК 94(47).084

ББК 63.3(2)61

Д

Редакционная коллегия:

О. В. Горбачев, докт. ист. наук, проф. (ответственный редактор)

Л. Н. Мазур, докт. ист. наук, проф. (главный редактор)

О. С. Поршнева, докт. ист. наук, проф.

К. Д. Бугров, канд. ист. наук, доцент

А. П. Килин, канд. ист. наук, доцент

О. М. Семерикова, канд. ист. наук

Т. В. Соловьева, ст. преп.

Рецензенты:

С. Ю. Мальшева, доктор исторических наук, профессор

Казанского федерального университета

Сектор политической и социокультурной истории Института истории
и археологии УРО РАН (зав. сектором доктор исторических наук,
профессор *А. В. Сперанский*)

Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сб. науч. тр. / под ред. О. В. Горбачева и Л. Н. Мазур; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 558 с.

ISBN 978-5-7996-2489-7

В сборнике представлены статьи, посвященные различным аспектам советского проекта и его реализации. Большое внимание уделено идеям и мифам социалистической реконструкции, программам социальных преобразований в политической, экономической, культурной сферах, технологиям и механизмам реализации задач социалистического строительства.

УДК 94(47).084

ББК 63.3(2)61

На обложке:

Луиджи Русоло. Восстание. 1911–1913.

Гаага Гемеентмузеум. Гаага.

*Издание поддержано грантом РНФ (проект № 16-18-10106
«Раннесоветское общество как социальный проект:
идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).*

ISBN 978-5-7996-2489-7

© Уральский федеральный университет, 2018

Девятый съезд Российской коммунистической партии. Стенографический отчет. М., 1960.

Истер Дж. М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010.

Каганович Л. М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 1997.

Кружников В. М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000.

Олех Г. Л. Партийная машина РКП (б) в начале 20-х гг. Устройство и функционирование. Новосибирск, 1995.

РГАСПИ. Ф. 17 (Центральный комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991).

ЦДООСО. Ф. 76 (Екатеринбургский губернский комитет РКП (б)).

Цыганов В. Б. Уфимцев Николай Иванович // 37-й на Урале. Свердловск, 1990. С. 274–276.

Яркова Е. И. Екатеринбургская губерния. 1919–1923 гг.: экономическое, политическое, социальное развитие: дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2008.

УДК 94(47).084.3

В. А. Бондарь

СОЗДАНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКИХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА МЕСТАХ В КОНТЕКСТЕ РАННЕСОВЕТСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТА¹

Местные партийные организации большевиков, проводя в жизнь идеи раннесоветского социального проекта, в большей степени, чем партийные органы более высокого уровня, шли на компромисс между идеологическими установками и потребностями управления. С одной стороны, проявлялось стремление сосредоточить в своих руках как можно больше полномочий, с другой — налицо была нехватка возможностей для их осуществления. После неудачной попытки непосредственно провести марксистские установки в жизнь возобладала тенденция постепенного превращения партийных органов в часть аппарата управления. Руководство и контроль за деятельностью советских и хозяйственных органов

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

могли подменяться собственной деятельностью партийных управленцев, что особенно ярко проявлялось в сельской местности. Несмотря на явную нежелательность подобного подхода, он сохранялся как одно из локальных отражений процесса трансформации партийных организаций из боевых в часть аппарата управления.

Характерные для партии в целом стадии трансформации подхода к участию в социальном конструировании прослеживаются и на низовом уровне. На первом этапе, когда формирование местных комитетов было на периферии внимания центрального партийного аппарата, они могли сохранять статус боевых организаций, приобретенный в дооктябрьский период. В то же время, в зависимости от имеющихся в их распоряжении кадров и ресурсов, они могли копировать структуру органов более высокого уровня. В последующие периоды проявились тенденции к упрощению структуры низовых организаций и усилению контроля над ними.

Ключевые слова: партия большевиков, раннесоветское общество, социальное конструирование, местная партийная организация, аппарат управления, трансформации, контроль, компромисс.

Участие партийных органов в строительстве советского общества в 1917–1936 гг. трудно переоценить, но его степень сильно различалась как в зависимости от места конкретной партийной организации в выстраиваемой иерархии, так и от изменений партийного курса. Практически все тенденции в конструировании центрального партийного аппарата в описываемый период неизбежно находили отражение в формировании местных партийных органов, от стихийного копирования структуры вышестоящих партийных организаций до последовательной оптимизации и укрепления вертикальных связей. Кроме того, активным изменениям способствовала необходимость приспособить партийные директивы к потребностям управления.

Сразу после прихода большевиков к власти в 1917 г. структура комитетов на территории будущей Екатеринбургской партийной организации не отличалась от существовавшей в других частях страны. Она организовывалась согласно весьма обобщенным указаниям действующего на тот момент Устава [Устав, 1917, с. 590–591] и включала в себя избранный в апреле 1917 г. Уральский областной комитет с центром в г. Екатеринбурге [Борьба против оппортунизма, с. 323] и некоторое число подчиненных ему райкомов и подрайкомов. Уральская область как зона ответственности соответствующего партийного комитета РСДРП (б) в рассматриваемый период окончательно оформлена не была. Влияние партии распространялось, в первую очередь, на территории горнозаводского Урала [Свердловская областная организация, с. 25].

Такое положение дел было обусловлено изначальной ориентацией на подпольную работу, что в изменившейся обстановке более не отвечало требованиям пришедшей к власти партии большевиков. Для управленческой структуры были непригодны сравнительно слабые вертикальные связи существующих местных организаций и их несоответствие губернскому территориальному делению, поскольку на этом основании было сложно выстроить административный аппарат.

Нужды управления быстро вынудили приблизить партийные организации к подконтрольным территориям. В 1918–1919 гг. в ходе перестройки партийной организации по территориальному принципу², сформирована новая их иерархия, включающая в себя губернские, уездные и волостные конференции и собрания, а также соответствующие им выборные партийные комитеты. Однако концепция организуемого с согласия ЦК объединения территориальных партийных организаций, иными словами, создания областей по тем же принципам, что и в Уставе 1917 г., просуществовала в организационных документах вплоть до 1930-х годов.³

К описываемому времени относится образование собственно Екатеринбургской губернии (1918) и Екатеринбургского губернского комитета [Свердловская областная организация, с. 29]. В рамках предписанной Уставом структуры партийной организации Екатеринбургскому губернскому комитету (1918–1923 гг.) непосредственно подчинялись 9 уездных комитетов [Там же, с. 29], в ведении которых, в свою очередь, были волостные организации. Последние в разное время могли быть подведомственны разным улкам, поскольку на низовом уровне административные преобразования продолжались в течение всего периода существования губернского деления Советской России.

Также в начале 1920-х гг. проявлялась тенденция объединять городские и уездные партийные комитеты в рамках одного органа – угоркома, экономя материальные ресурсы и кадры, которых в первое время существования Советской власти остро не хватало [подробнее см.: Назаров]. Однако в организационных документах, в первую очередь, в действующем Уставе партии [Устав, 1919, с. 205–206], такие структуры не были предусмотрены, что говорит о рассматриваемой тенденции как о механизме приспособления к действительности. После окончания Гражданской войны от этой практики стали постепенно отказываться.

² Территориальный принцип формирования партийных организаций был окончательно закреплён в Уставе 1919 г. [см.: Устав, 1919, с. 202].

³ Во всех уставах партии, начиная с 1919 г., была закреплена возможность создания областей по практически неизменным принципам. [см.: Устав, 1919, с. 204; Устав, 1922, с. 578; Устав, 1925, с. 479].

В ведении Екатеринбургского губкома находились важнейшие вопросы губернской партийной организации, а также взаимодействие с Центральным комитетом и, чуть позднее, с Уральским бюро ЦК. Также было необходимо координировать работу местных партийных комитетов с политическими органами в войсках, хотя официально сотрудничество с ними было закреплено в организационных партийных документах уже после образования Уральской области и перестройки управленческого аппарата [Устав, 1925, с. 487]. Укомы занимались организацией партийных кадров в пределах уезда, руководили волкомами, утверждали их решения и распределяли полученные из ЦК партийные билеты среди вновь принимаемых членов партии.

Первоначально губком и крупнейшие укомы (угоркомы) организовали в своем составе отделы и подотделы по функциональному принципу. Так, Екатеринбургский губком РКП (б) к 1921 г. состоял из 6 отделов [Свердловская областная организация, с. 29]. Эта тенденция свидетельствует о стремлении создать административный орган согласно собственным представлениям о нем, поскольку инструкций по структуре и функциям территориальных партийных комитетов не было выработано вплоть до середины 1920-х годов.

Помимо расширения и упорядочения сети партийных комитетов, для лучшего контроля за формированием партийной организации были созданы партийные комиссии (постоянные – военные, контрольные и ревизионные, и временные). С 1922 г. контрольная комиссия действовала при Екатеринбургском губкоме [Устав, 1922, с. 581]. В ее компетенцию входило рассмотрение жалоб и спорных ситуаций в связи с исполнением Устава, программы и решений высших партийных органов, нарушений партийной этики и дисциплины на губернском уровне, хотя круг ее обязанностей был закреплен тремя годами позже [Устав, 1925, с. 484–486]. В некоторых случаях контрольная комиссия принимала решения о восстановлении исключенных из партии [см. напр.: ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 558. Л. 18; ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 589. Л. 351–351об.]. Вплоть до 1930-х гг. ревизионные комиссии существовали параллельно с контрольными в целях финансового контроля деятельности партийных органов практически всех уровней – от центрального аппарата до волостного комитета [Устав, 1919, с. 206]. Впоследствии на низовом уровне ревизионные комиссии были ликвидированы [Устав, 1922, с. 580; Устав, 1925, с. 483], а их полномочия переданы вышестоящим органам подобного типа.

Выборные военные партийные комиссии, наряду с назначаемыми Главным политическим управлением политотделами, отвечали за работу в войсках на территории Екатеринбургской губернской партийной организации. Партийной комиссии при штабе Приуральского

военного округа были непосредственно подчинены комиссии дивизий, таких как 57-я Екатеринбургская дивизия, и бригад, в частности, 63-й стрелковой бригады.

В масштабе воинских частей, таких как полк или артиллерийский дивизион, организуемые ячейки и коллективы могли объединяться в бюро ячеек или коллективов, уже взаимодействующих с политотделами и партийными комиссиями бригад и дивизий. Политические органы в войсках не были частью иерархии территориальных партийных комитетов, но некоторая степень взаимодействия между этими структурами была, особенно в связи с демобилизациями коммунистов-красноармейцев и получением ими единых партийных билетов.

Структура армейских политорганов начала складываться задолго до ее закрепления в организационных документах партии большевиков [Устав, 1925, с. 487], более того, порядок их взаимодействия с территориальными партийными организациями также не был урегулирован. Такую ситуацию также можно считать примером приспособления к окружающей обстановке в условиях отсутствия руководящих указаний.

В мае 1920 г., в рамках дальнейшего укрепления партийного аппарата, было сформировано Уральское бюро ЦК РКП (б) в Екатеринбурге, подотчетное непосредственно Центральному комитету РКП (б) [Очерки истории, Т. 1, с. 369]. Оно координировало деятельность партийных организаций на территории Екатеринбургской, Пермской, Челябинской и Уфимской губерний. Создание областных бюро по особому постановлению ЦК и отсутствие ревизионной комиссии при них было зафиксировано позже, в уставе 1922 г. [Устав, 1922, с. 577–578].

Проводимый в рамках Советского государства в середине 1920-х гг. эксперимент по укрупнению административно-территориальных единиц должен был способствовать как развитию территорий, так и улучшению их управляемости. Уральский регион это начинание затронуло первым среди промышленных областей, что привело к формированию в 1923 гг. большой Уральской области из территорий Пермской, Екатеринбургской, Челябинской, Тюменской и Златоустовского уезда Уфимской губерний [Очерки истории, Т. 2, с. 23]. В соответствии с административным делением, в 1925 г., функционировали Уральский областной комитет ВКП (б), 16 окружных и 214 районных комитетов [Свердловская областная организация, с. 33]. Большую часть территорий Екатеринбургской партийной организации охватывали Свердловский, Ирбитский, Шадринский и Тагильский окружкомы.

Компетенции между обкомом и окружками были распределены аналогично губкомам и укомам, а функция непосредственного руководства низовыми ячейками, учета членов партии и выдачи партийных билетов перешла райкомам как низовым организациям [Устав, 1925,

с. 479–483]. После того, как окружное деление и, следовательно, окружные комитеты, в 1930 г. были упразднены [Свердловская областная организация, с. 33], количество районов уменьшилось, а райком стал основным типом территориального партийного комитета ВКП (б). Исключения составляли города и рабочие поселки, выделенные в самостоятельные административные единицы (в 1931 г. их было 15) и три национальных округа (Коми-Пермяцкий, Остяко-Вогульский и Ямальский (Ненецкий)), в рамках которых действовали собственные городские, поселковые и окружные комитеты в ведении Уралобкома ВКП (б).

После разделения Уральской области на Свердловскую, Челябинскую и Обско-Иртышскую в 1934 г. [Очерки, Т. 2, с. 136–137] цепочка территориальных партийных органов Свердловского областного комитета ВКП (б) выглядела следующим образом: райком/горком – обком, принципиально отличаясь от таковой после ликвидации окружкомов в рамках Свердловской области лишь размерами и составом подотчетной территории. Именно к этому времени в Уставе 1934 г. была закреплена типовая структура обкома, которая включала в себя пять производственно-отраслевых отделов и особый сектор [Устав, 1934, с. 138]. На низовом уровне предусматривались городские и районные организации (как сельские, так и городские). В их компетенцию входило утверждение решений первичных организаций и регистрация всех коммунистов, что в основном совпадает с обязанностями волкомов в 1918–1925 гг. [Ср.: Устав, 1919, с. 206; Устав, 1922, с. 580; Устав, 1925, с. 483; Устав, 1934, с. 141], за исключением возможности организации печатного органа, контроля за его работой и назначения редактора [Устав, 1934, с. 141]. Ранее такие полномочия встречались только у организаций более высокого уровня. Описываемый период – заключительный этап формирования структуры партийных органов Екатеринбургской (Свердловской) партийной организации, которая, с незначительными изменениями, просуществовала вплоть до конца существования советского проекта.

Конструирование местных партийных организаций следовало общей тенденции их превращения из подпольных комитетов, нацеленных на организацию переворота, в административно-управленческие органы. Этой цели отвечали такие начинания, как переход к территориальному принципу формирования комитетов, укрепление вертикальных взаимодействий в рамках партийной организации, все большее упорядочение не только зоны ответственности парткома в зависимости от уровня, но и его структуры. При нехватке руководящих указаний местные партийные органы в значительной степени были вынуждены приспособлять общие требования организационных документов к текущим потребностям, например, объединять комитеты различных

уровней или формировать структуру по собственному усмотрению. После окончания Гражданской войны все больше усилий направлялось не только на формирование территориальных партийных органов и разграничение их обязанностей и полномочий, но и на укрепление вертикальных связей как через отчетность и информирование о деятельности, так и через органы контроля, в частности, контрольные и ревизионные комиссии и создание областных бюро ЦК. Реорганизации в связи с формированием областей также не обошли стороной низовые парткомы, хотя эксперимент с крупными областями и трехуровневой системой партийных органов не продлился долго, завершившись еще одной, последней для раннесоветского социального проекта перестройкой (по Уставу 1934 г.). Она завершила оформление территориальных партийных органов как аппарата управления от областного комитета до первичных организаций с определенной структурой и функциями.

На протяжении всего рассматриваемого периода в качестве основной тенденции представляется обоснованным выделить оптимизацию структуры и функций партийных органов сначала как инструментов влияния на процесс конструирования нового общества, а затем управления этим процессом. Наиболее эффективные инициативы местных организаций позднее закреплялись в организационных документах, приближая изначально настроенные на пропаганду и захват власти организации в структурированный управленческий аппарат, во многом аналогичный органам исполнительной власти.

Борьба против оппортунизма за создание и укрепление партийных организаций Урала (1894–1917 гг.). Пермь, 1975 .

Очерки истории коммунистических организаций Урала. В 2-х т. Т. 1. 1883–1920 гг. Свердловск, 1971.

Очерки истории коммунистических организаций Урала. В 2-х т. Т. 2. 1921–1973 гг. Свердловск, 1974.

Назаров О. Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М.: ИВИ РАН, 2002 // Скепсис: научно-просветительский журнал: сайт [Электронный ресурс]. URL: http://scepssis.net/library/id_3545.html (дата обращения: 18.05.2016).

Свердловская областная организация КПСС 1903–1974 гг.: Краткая ист. справка. 2-е изд., доп. Свердловск, 1974 .

Устав Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) [1917] // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 1. 1898–1917. М., 1983. С. 589–591.

Устав Российской коммунистической партии (большевиков) [1919] // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 2. 1917–1922. М., 1983. С. 201–209.

Устав Российской коммунистической партии (большевиков) [1922] // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 2. 1917–1922. М., 1983. С. 573–583.

Устав Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) [1925] // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 3. 1923–1925. М., 1983. С. 474–489.

Устав Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) [1934] // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 6. 1933–1936. М., 1983. С. 133–145.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 76 (Екатеринбургский губернский комитет РКП (б) (1918–1923 гг.)).

УДК 94(470.5).084.6

А. И. Сысов

СОВЕТСКИЕ И ПАРТИЙНЫЕ ОРГАНЫ В ХОДЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х – СЕРЕДИНЕ 1930-х ГОДОВ

Построение нового коммунистического общества потребовало проведения во второй половине 20–30-х гг. форсированной модернизации в СССР. Успех советской модернизации во многом зависел от эффективности работы управленческого аппарата, который подвергся значительным изменениям в направлении централизации и унификации. К сожалению, реальный результат преобразований оказался кардинально отличным от изначально планируемого. Поэтому особое внимание уделяется выяснению причин, которые привели к расхождению в большевистских планах и результатах переустройства общества и тому, как на это повлияли социально-экономические процессы в регионе Южный Урал.

Ключевые слова: модернизация, индустриализация, коллективизация, мобилизационная экономика, тоталитарный режим, партийно-государственная элита.